

Некоторые особенности политики США в отношении Восточной Азии (1980-е — начало 1990-х гг.)

Виталий Евгеньевич Болдырев,
аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: boldyrev89@list.ru

В статье рассматривается политика США в отношении стран Восточной Азии в период, когда Вашингтон стал проводить её, ориентируясь на долгосрочные цели и задачи. Анализируются специфика формирования восточноазиатского курса республиканских правительств и особенности функциональных направлений региональной политики.

Ключевые слова: США, внешняя политика, Восточная Азия, экономика, безопасность, гуманитарное направление, дипломатия.

Some features of the U.S. policy toward East Asia (1980's — early 1990's).

Vitaliy Eu. Boldyrev, Postgraduate student of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The paper deals with the U.S. policy toward the countries of East Asia at the time when Washington began to pursue it focusing on long-term goals and objectives. It also gives analysis of the specificity of formation of the East Asian republican governments and the feature of functional orientation of regional policy.

Key words: United States, foreign policy, East Asia, economy, security, humanitarian direction, diplomacy.

Американский учёный Д. Хеллман справедливо отмечал, что хотя в течение середины — второй половины 1970-х гг. Восточная Азия и была в центре внимания дипломатии США, но продуманной политики в отношении неё не проводилось, поскольку весь внешнеполитический процесс попал в зависимость от людей, нацеленных на решение краткосрочных проблем, а также из-за слабости президентов в тот период [11, р. 75]. Серьёзные изменения произошли с приходом к власти президентов-республиканцев. В течение 12 лет были заложены основы современной американской политики в регионе, сформировались тенденции, определившие впоследствии её отличительные черты.

Как бы ни была нова политика республиканских президентов, она строилась с учётом существовавшей региональной подсистемы международных отношений. Перечислим её особенности. В течение всего периода существовало разделение региона по линии Восток — Запад. Даже в усло-

виях окончания холодной войны и начала перехода мира к многополярности сохранился социалистический режим в КНДР, а в Китае у власти оставалась коммунистическая партия, хотя сформированное ею правительство проводило реформы рыночного характера. Существовали (и продолжают существовать) в Восточной Азии и разделённые государства (Корея и Китай), что также накладывало отпечаток на политику США. Отсутствовали многосторонние структуры в области обеспечения безопасности, а региональная организация экономического сотрудничества на уровне глав правительств (АТЭС) была основана только в 1989 г. Кроме того, А.Д. Богатуров отметил ещё одну специфическую черту: азиатско-тихоокеанская подсистема была связана с выделением в ней экономического центра силы — Японии [1, с. 216]. Не стоит забывать и о присутствии в регионе Советского Союза, отношения с которым в области безопасности имели и азиатское измерение.

Все перечисленные особенности отразились на взаимодействии США со странами Восточной Азии. Отдельными договорами определялись союзы с Японией и Южной Кореей. Отношений с Северной Кореей не было, а с социалистическим Китаем они были официально установлены лишь в 1979 г. При этом с Тайванем сохранились неформальные отношения, которые регулировались «Актом об отношениях с Тайванем». Несмотря на то, что правительство Рейгана в 1982 г. официально заявило об отказе проводить политику «двух Китаев» и «одного Китая — Тайваня» [21], сотрудничество с последним сохранялось и распространялось согласно Акту не только на гуманитарную, экономическую, но и на военно-техническую сферу [20]. А политика в отношении Японии в равной степени определялась экономическими и военно-политическими интересами.

Столь сложная, можно сказать, мозаичная структура отношений США с восточноазиатскими странами затрудняла разработку общей директивы, где указывались бы главные векторы региональной политики. При администрации Рейгана директива NSDD-32 задавала основное направление американской политики. Применительно к странам Восточной Азии положения этого документа корректировались и адаптировались директивами, в которых определялась политика в отношении конкретной страны или оценивалась функциональная готовность отдельных вопросов. При президенте Дж. Буше была разработана объёмная и сложно структурированная стратегия национальной безопасности.

В изданной в 1982 г. директиве NSDD-32 в качестве цели политики США в Восточной Азии указано поощрение усиления обороноспособности Японии и Республики Корея. Но, учитывая особенности региональной подсистемы, архитектуру американских отношений и потребности стран региона, в документе можно выделить ещё несколько глобальных целей. К ним относятся:

- сдерживание Советского Союза;
- обеспечение доступа США на зарубежные рынки;
- обеспечение доступа США и их союзников к зарубежным минеральным и энергетическим ресурсам;

- обеспечение благополучного функционирования международной экономической системы с минимальным искажением процессов торговли и инвестирования, а также широко принятых и уважаемых правил для разрешения споров;
- противодействие ядерному распространению [15].

Ввиду того, что стратегия, принятая при президенте Рейгане, содержала формулировки, которые не полностью отражали цели внешней политики, обратимся к документам, дополняющим и конкретизирующим её положения.

В директиве NSDD-62, принятой в 1982 г., содержится пункт, свидетельствующий, что Вашингтон стремился видеть большую помощь, оказываемую Японией развивающимся странам [16]. В директивах, посвящённых американско-китайским встречам в верхах, говорится о поощрении усилий правительства КНР изменить и либерализовать существовавшую тоталитарную систему, ввести рыночные элементы в экономику [17; 18]. Основанием политики в отношении стран Корейского полуострова служило решение США не устанавливать контактов с Северной Кореей, пока СССР и Китай не признают Южную Корею [14].

В принятой в марте 1990 г. стратегии национальной безопасности цели политики обозначены более подробно. В их числе зафиксированы: укрепление отношений с Японией и оказание ей большей зарубежной помощи, ослабление напряжённости на Корейском полуострове и начало плодотворного межкорейского диалога, рост свободного рынка, сокращение торговых барьеров, обеспечение доступа США к зарубежным минеральным и энергетическим ресурсам, а также роста свободных и демократических институтов [19, р. 12].

Положения директив свидетельствуют, что, несмотря на определённые отличия в целях, политика администрации Дж. Буша в странах Восточной Азии являлась преемственной по отношению к политике администрации Рейгана. Изменения в регионе, обусловленные переменами в мире, было невозможно полностью отразить в директивах. Более чуткая реакция американского руководства на происходящее содержалась в открытых, незашифрованных документах.

Выступая в апреле 1981 г. перед Советом по международным делам в Лос-Анджелесе, заместитель госсекретаря Стэссел выделил следующие внешнеполитические приоритеты США: восстановление позиций мирового лидера, укрепление обороны, восстановление жизнеспособности национальной экономики, развитие дружественных и тесных культурных отношений с народами региона [4, р. 892]. В 1984 г. госсекретарь Дж. Шульц конкретизировал обозначенные приоритеты применительно к Восточной Азии. Он расставил их в следующем порядке: создание свободной и открытой мировой экономики, поддержание устойчивого положения в контексте политики сдерживания, осуществление эффективной дипломатии [6, р. 647].

Каждому из направлений соответствовали определённые задачи, зафиксированные во внешнеполитических директивах, но существовала и общая цель: возродить американскую мощь, подорванную неудачей во

Вьетнаме и экономическим кризисом, и сформировать америкоцентричное мироустройство. О ней свидетельствует одно из высказываний заместителя госсекретаря Стэссела, которое в равной мере справедливо в отношении как глобальной, так и региональной политики. «Мы осознали, что сверх нашего простого заявления, что наша роль — роль лидеров свободного мира, мы должны действовать как лидеры свободного мира. Ответственное американское лидерство является предельно важным в достижении нашей цели — справедливого и прочного мирового порядка» [4, p. 892].

Особая роль отводилась экономике. Э. Миз, советник президента говорил, что внешняя политика покоится на экономическом возрождении страны как внутренней базе избранного курса на укрепление национальной безопасности, консолидацию отношений с союзниками [3, с. 111—112]. А госсекретарь А. Хейг вовсе назвал сильную экономику краеугольным камнем национальной безопасности [4, p. 211]. В этом контексте важно иметь в виду тот факт, что новые рабочие места в конце 1970-х — начале 1980-х гг. обеспечивались преимущественно за счёт ориентированных на экспорт предприятий [5, p. 194]. Это свидетельствует, что одним из условий экономического восстановления должна была стать внешняя среда, благоприятная для американских производителей.

Президент Рейган публично объявил о следующих целях внешнеэкономической политики: достижение жизнеспособной, открытой системы международной торговли; увеличение американского экспорта; сокращение торговых барьеров за границей, способствующее более эффективной конкурентоспособности американских фирм; поощрение частного сектора в поисках возможностей за рубежом [5, p. 197]. Это означало, что обеспечение доступа США к зарубежным рынкам и благополучное функционирование международной экономической системы понималось как распространение принципов свободной торговли на отношения с другими странами, посредством чего Соединённые Штаты могли упрочить свои позиции. Если принимать во внимание, что Япония рассматривалась как экономический центр восточноазиатского региона, то США были нацелены на собственное экономическое укрепление за счёт других государств.

Эти взгляды стали претерпевать изменения с 1987—1988 гг. Фундаментом экономической политики по-прежнему оставалась свободная торговля, но теперь она представлялась не методом устранения торговых барьеров, а основой формирования новой системы отношений, связанной с азиатско-тихоокеанскими интеграционными процессами, вовлекавшими в себя все двусторонние торгово-экономические связи [9, p. 500, 502]. Торговля стала пониматься не как игра с нулевым результатом, а как процесс, связанный с ростом производства и банковских счетов, от чего все участники получают выгоду. При этом ни одна из стран не могла преуспеть в качестве главного экспортёра [8, p. 512]. Экономический рост теперь, по мнению американского руководства, должен был обеспечиваться не только за счёт производства, но и за счёт свободного обмена знаниями, открытости экономики и восприимчивости её к новым идеям, товарам и услугам, а также за счёт быстрых технологических изменений [8, p. 511—512].

Фактически свободная торговля становилась как инструментом американской внешней политики, обеспечивающим увеличение производства, так и системообразующим фактором, который способствовал не просто количественному, но и качественному росту экономики, позволял США укрепить своё положение как одного из экономических центров региона. Логическим завершением этой эволюции стало присоединение Америки к форуму АТЭС, который, по мнению правительства Соединённых Штатов, позволял обмениваться экономическим опытом и преодолевать барьеры для более эффективных капиталобмена, торговли, передачи технологий [10, р. 654].

Таким образом, внешняя экономическая политика Вашингтона в отношении стран Восточной Азии должна была обеспечить рост производства и экономики, создать благоприятную для американских производителей систему экономических отношений.

Политика в области безопасности, которую правительство Соединённых Штатов относило на второе место среди приоритетов, представляла собой совмещение нескольких отдельных направлений. Она определялась тем фундаментальным взглядом министерства обороны, что США — сверхдержава, интересы которой всемирны, следовательно, угрозы её безопасности распространены по всему миру [4, р. 895]. Поэтому политика Вашингтона в этой сфере в отношении стран Восточной Азии была составной частью американской глобальной политики, т.е. выдвигались те же задачи, что и в отношении других регионов.

Важной целью внешней политики Соединённых Штатов было укрепление военно-политических союзов. В основе её достижения лежало представление о мире, разделённом на свободный и несвободный. Следовательно, одной из главных задач министр обороны К. Уайнбергер называл поддержание мира и свободы [4, р. 895]. Под свободным миром подразумевались западные демократические страны во главе с США, в то время как под несвободным — социалистический Восток во главе с Советским Союзом. Из-за чего центральное место в политике Вашингтона в этой сфере заняла «советская угроза».

Немалый пласт документов, в т.ч. прежде засекреченных, проливает свет на использование указанного феномена в региональной политике США. В ходе переговоров со всеми крупными государствами «советская угроза» связывалась с военным строительством и присутствием СССР в Азии и союзных странах. Используя образ угрожающего миру Советского Союза, американское правительство в течение 1980-х гг. достигло ряда целей. От Японии удалось добиться повышения оборонных трат. Обещание Токио решить этот вопрос положительно зафиксировано уже в совместном коммюнике в мае 1981 г. [13]. С Южной Кореей был подписан контракт на поставку вооружений на сумму в 4,7 млрд долл. в течение 1982—1986 финансовых годов, что позволяло дополнительно обеспечить рабочими местами 35—47 тыс. американцев [5, р. 191, 918]. Это способствовало сокращению затрат США на оборону союзников, а поставки вооружений в Республику Корея предполагали ещё и подъём американской

экономики. Что же касается Китая, как свидетельствуют мемуары К. Уайнбергера, использование «советской угрозы» укрепило двусторонние отношения [22, р. 269]. Следовательно, с помощью этого феномена Соединённые Штаты достигали не только политических и военно-политических, но и экономических целей.

«Советская угроза» в американской дипломатии непосредственно связывалась с военным присутствием СССР в Азии. Однако с 1988 г. оно начинает сокращаться, и возникает необходимость найти другой фундамент для укрепления положения в мире США и их союзников. Его обоснование было сформулировано в Стратегии национальной безопасности 1990 г.: «...хотя демократия в Америке не требует полностью демократического мира, она не сможет долго просуществовать в преимущественно тоталитарном мире. Это было общее моральное видение, держащее вместе американские военно-политические союзы, которое было сформировано Великой хартией вольностей, Декларацией независимости, Биллем о правах, Всеобщей декларацией прав и свобод человека, Заключительным Хельсинским актом. Следовательно, американские обязательства перед союзниками имеют более прочное основание, чем просто восприятие общего врага» [19, р. 3]. Прежние установки стали выстраиваться вокруг тезиса о необходимости поддержания преимущественно демократического мира. Это говорит о том, что политика США в сфере безопасности перенесла цели из периода холодной войны в последовавший период, но при этом изменился их фундамент: от ставшей неактуальной «советской угрозы» американское правительство перешло к тезису о поддержании демократического мира.

Третьим по значимости функциональным направлением, которое в более широком контексте можно определить как гуманитарное, было развитие тесных дружественных и культурных связей с народами региона, которое в более широком контексте можно определить как гуманитарное. Во многом оно перекликалось с положением стратегии национальной безопасности о том, что Америка не сможет долго просуществовать в преимущественно тоталитарном мире [19, р. 3]. Таким образом, создание демократического мира предполагалось не только по военно-политической, но и по гуманитарной линии. К мероприятиям этого направления можно отнести различные формы культурного, научного и образовательного обмена. Посредством их Вашингтон достигал нескольких более малых по функциональному охвату целей. Во-первых, у приезжавших складывался благоприятный образ США. Во-вторых, двусторонние контакты позволяли партнёрам изучать друг друга для более успешного ведения дел. Но особенно важным, пожалуй, был именно научный обмен. С одной стороны, он позволял сформировать положительный имидж государства в глазах интеллектуальной элиты. Благодаря ему Соединённые Штаты знакомились с зарубежными научными разработками, за счёт которых поддерживался технологический рост.

К этому направлению также можно отнести усилия американского правительства по стимулированию либерализации, которые были наиболее успешными в отношении Южной Кореи. Эта политика опиралась на взгляды теоретиков-неоконсерваторов, считавших, что правые проамериканские

диктаторские режимы имеют больше шансов на либерализацию, чем левые просоветские [2, с. 89]. В связи с этим в материалах, подготовленных к встрече Р. Рейгана и Чон Ду Хвана, указывалось, что США могут поощрять тенденции к либерализации в Южной Корее [14]. В дальнейшем в условиях американского дипломатического давления реализация политики в этой азиатской стране была связана с постепенным введением элементов демократии, которое закончилось проведением демократических выборов.

Как видно, США в этой сфере были нацелены на положительное восприятие зарубежными государствами, которое помогало снижению антиамериканских настроений и создавало потенциал для принятия решений, благоприятствовавших политике Вашингтона. Такой подход укреплял научный и технологический потенциал Соединённых Штатов, что с учётом взглядов руководства на повышение роли технологий в экономике будущего позволяло усилить позиции США в этой сфере. Политика в гуманитарной области также способствовала укреплению военно-политических союзов Америки в регионе. Например, в случае Южной Кореи альянс строился теперь не только на основе договора, но и на том, что в стране подлинно заработали демократические институты. Иначе говоря, политика укрепления гуманитарных связей с народами региона достигла своих целей и была дополнением к политике, осуществлявшейся по другим функциональным направлениям.

В качестве главного метода в отношении стран Восточной Азии использовалась дипломатия, что обуславливалось рядом факторов. Во-первых, в регионе находились два военно-политических союзника, во-вторых, США были заинтересованы в мирном разрешении потенциально конфликтных вопросов на Корейском полуострове и вокруг Тайваня, в-третьих, присутствовала вторая сверхдержава, что также вносило определённый элемент стабильности. Кроме того, память о неудачной вьетнамской войне удерживала США от применения силы как внешнеполитического средства.

Определяя указанный метод как главный, госсекретарь Шульц сделал акцент на необходимости активной дипломатии [6, р. 647], что предполагало ряд характерных черт при её реализации.

Именно посредством дипломатии неоконсервативные администрации подчёркивали, что Восточная Азия была важным регионом во внешней политике. Свидетельством этого стали встречи с восточноазиатскими лидерами, проведённые в начале президентств как Р. Рейганом, так и Дж. Бушем. Отсутствие многосторонних международных структур вынуждало делать ставку на двустороннюю дипломатию. Ввиду этого отношения между странами поддерживались за счёт регулярных встреч высших должностных лиц, а также серийных встреч в верхах и телефонных бесед, которые служили механизмом разрешения вопросов, касавшихся разных функциональных областей политики, а также были способом поддержания тесных отношений.

Ещё одну специфическую черту определила высокая роль экономики в азиатско-тихоокеанской подсистеме международных отношений. Поэтому экономическая дипломатия занимала важное место среди методов

американской региональной политики. Вопросы экономического сотрудничества рассматривались на разных по уровню и составу встречах, в том числе и на уровне представителей бизнеса [12]. И хотя был только один случай, связанный с улучшением отношений с Японией, он показателен: в область дипломатии вовлекались помимо официальных представителей негосударственные акторы.

Будучи обусловленной историческими предпосылками и объективными обстоятельствами, роль дипломатии определялась тем, что этот метод стал главным в региональной политике США, посредством него разрешались вопросы широкого спектра. Это оказало влияние и на конкретные формы дипломатической деятельности, при помощи которых американская сторона стремилась обеспечить благоприятные условия для своего присутствия в регионе.

Говоря о политике США в отношении стран Восточной Азии в 1980-х — начале 1990-х гг. в целом, можно выделить ряд её особенностей.

- Во-первых, она была определена как объективно существовавшими процессами и явлениями, так и взглядами американского руководства на мир.
- Во-вторых, сложная архитектура отношений Соединённых Штатов со странами региона серьёзно затрудняла выработку единой политики, в основу которой был бы положен региональный принцип планирования. Вследствие этого внешняя политика фрагментировалась, т.е. разрабатывалась в отдельности для каждой страны.
- В-третьих, приоритет функциональных направлений политики был расставлен иерархически, т.е. каждое последующее дополняло предыдущее, при этом все они имели целью создать благоприятные условия для существования Америки.
- В-четвёртых, ввиду специфики функционирования подсистемы региональных отношений, экономического положения в США и взглядов американского правительства на роль экономики в будущем страны, главным функциональным направлением политики стало экономическое. Оно было нацелено на восстановление национальной экономики за счёт её внешних связей.
- В-пятых, не менее важной была региональная проекция глобальной политики в области безопасности, которая укрепляла роль Соединённых Штатов в этой сфере в мировом масштабе, а также способствовала развитию их экономики. Чтобы эффективнее достигнуть своих целей, американское правительство строило эту политику на мотивации защищать демократический мир от внешних угроз.
- В-шестых, для большего укрепления позиций в Восточной Азии два предыдущих направления подкреплялись гуманитарным, которое создавало благоприятный общественный и общественно-политический фон для укрепления и развития отношений со странами региона.
- В-седьмых, главным методом внешней политики стала дипломатия, адаптированная к специфическим условиям системы региональных отношений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: Конверт — МОНФ, 1997. 352 с.
2. Гарбузов В.Н. Александр Хейг, или Три карьеры одного генерала. М.: Наука, 2004. 203 с.
3. Мельвиль А.Ю. США — сдвиг вправо? М.: Наука, 1986. 216 с.
4. American Foreign Policy: Current Documents. 1981. Washington: Department of State, 1984. 1444 p.
5. American Foreign Policy: Current Documents. 1983. Washington: Department of State, 1985. 1477 p.
6. American Foreign Policy: Current Documents. 1984. Washington: Department of State, 1986. 1174 p.
7. American Foreign Policy: Current Documents. 1986. Washington: Department of State, 1987. 863 p.
8. American Foreign Policy: Current Documents. 1987. Washington: Department of State, 1988. 894 p.
9. American Foreign Policy: Current Documents. 1988. Washington: Department of State, 1989. 818 p.
10. American Foreign Policy: Current Documents. 1990. Washington: Department of State, 1991. 890 p.
11. A US Foreign Policy in Asia. Stanford: Hoover Institution Press — Stanford University, 1982. 144 p.
12. Executive Order—12421. Presidential Commission on the Conduct of United States — Japan Relations. May 12, 1983. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1982/11883a.htm> (дата обращения: 26.08.2011).
13. Joint Communique Following Discussions With Prime Minister Zenko Suzuki of Japan. May 8, 1981. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1981/50881b.htm> (дата обращения: 26.08.2011).
14. Memorandum for the President from Alexander Haig. Subject: Your Meeting with Chun Doo-Hwan, President of the Republic of Korea. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gwu.edu/~nsaarchive/NSAEBB/NSAEBB306/index.htm> (дата обращения: 26.08.2011).
15. National Security Decision Directive — 32. US National Security Strategy. May 20, 1982. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/> (дата обращения: 20.05.2009).
16. National Security Decision Directive — 62. United States — Japan Relations. October 25, 1982. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/> (дата обращения: 26.08.2011).
17. National Security Decision Directive — 120. Visit to the US of Premier Zhao Ziyang. January 9, 1984. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/> (дата обращения: 26.08.2011).
18. National Security Decision Directive — 140. President's Visit to People's Republic of China. April 21, 1984. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/> (дата обращения: 21.01.2013).
19. National Security Strategy of the United States. March, 1990. Washington: White House, 1990. 32 p.
20. Taiwan Relations Act. April 10, 1979. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cfr.org/taiwan/taiwan-relations-act/p8454> (дата обращения: 26.08.2011).
21. United States-China Joint Communique on United States Arm Sales to Taiwan. August 17, 1982. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1982/81782a.htm> (дата обращения: 26.08.2011).
22. Weinberger C.W. Fighting for Peace: Seven Critical Years in the Pentagon. — New York: Warner Books, 1991. 477 p.